

Н.Ю. Буровцева

«Тени сизые смешались...»

Трагедия человека, как ее понимает поэт, в разладе с природой: «Душа не то поет, что море...» («Певучесть есть в морских волнах...»). Миг единения с жизнью природы, растворения в ней — высшее блаженство, доступное человеку на земле. Об этом — стихотворение «Тени сизые смешались...».

Композиция стихотворения — две строфы — традиционная для Тютчева. Первая строфа — картина наступающей ночи, вторая — страстный монолог-обращение лирического героя к «сумраку».

Изображаемое время суток — сумерки (уже не вечер, но еще и не ночь) не случайно выбрано поэтом: его неизменно волнуют именно промежуточные состояния в жизни природы и человека.

В *первой строфе* картина сумерек, наступающей ночи дана через восприятие лирического героя. Уловлена сама эта зыбкая грань *перехода*, когда окружающий мир растворяется в темноте, исчезает из зрительного восприятия человека:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул...

Сизый — самый смешанный цвет: «черный с просинью и белесоватым, голубоватым отливом, серо-синий, с голубой игрою» (В. Даль). Смысловая острота эпитета усилена внутрисклочным созвучием: «*сизые смешались*». В одном только этом эпитете — *сизый* — как в зерне, содержится все стихотворение с его темой космического смешения, слияния всего со всем.

...звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Звук, неизменный спутник движения, жизни, уснул. В мире так тихо, что «мотылька полет незримый слышен в воздухе ночном».

Слова «жизнь» и «сумрак» находятся в сильной позиции начала строки, они как бы противопоставлены. Но только «как бы», потому что сумрак зыбкий — жизнь не замерла, а лишь затаилась, задремала, ушла куда-то в глубину («дальний гул»).

Сумрак, тени, тишина — это условия, в которых пробуждаются скрытые душевные силы человека. Его мысли сливаются с «дальним гулом», на смену исчезнувшему, растворившемуся миру приходит иная реальность. Человек остается один на один со всем миром, вбирает его в себя и сам сливается с ним:

«Все во мне, и я во всем». Однако странным образом эта причастность к «жизни божеско-всемирной» не вызывает ликования, а определяется как «час тоски невыразимой». В чем же причина этой тоски?

Вся вторая строфа — страстная мольба, нарастающий призыв, обращенный к «сумраку» (в данном случае синониму природы, жизни): *лейся, залей, переполни через край и, наконец, смешай*.

«Единственное, более энергичное чувство, которое я испытываю, — это невозможность уйти от самого себя» (из письма Тютчева жене). Во второй строфе лирический герой отказывается от собственного «я», что присутствовало в конце первой строфы («Все во мне, и я во всем»). Его страстное стремление — раствориться в окружающем мире, слиться с ним, стереть грань меж «я» и «не-я»:

Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Композиционное кольцо стихотворения замыкается: совместились первая и последняя строки, глаголы *смесились* и *смешай*. Слиться с миром природы, раствориться в нем — для человека это редкая возможность «уйти от самого себя». Однако противоречие сознательно-индивидуального («я») и бессознательно-стихийного («жизнь») остается для Тютчева неразрешимым. (Точнее, проблема эта решалась многократно и по-разному.)